

18+

Ирина Бухарина

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
АНГЕЛА**

женская проза

Ирина Бухарина

**Возвращение ангела.
Женская проза**

«Издательские решения»

Бухарина И.

Возвращение ангела. Женская проза / И. Бухарина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981375-6

Стыдно подсматривать в чужие окна, но такое случилось с героями рассказа Ирины Бухариной «Эвелина». Чем закончилась их странная история? Как сложились отношения мужчины и женщины после знакомства по объявлению, в котором героине почудился крик «Услышь меня, хорошая»? Существуют ли ангелы и могут ли они помочь современным Ромео и Джульетте? Об этом и многом другом рассказы нового сборника Ирины Бухариной.

ISBN 978-5-44-981375-6

© Бухарина И.
© Издательские решения

Содержание

ЭВЕЛИНА	6
УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Возвращение ангела
Женская проза
Ирина Бухарина

© Ирина Бухарина, 2020

ISBN 978-5-4498-1375-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭВЕЛИНА

У неё было красивое, редкое прежде, а теперь звучащее повсюду имя – Эвелина. Как у Эвелины Хромченко, эксперта по моде, которую она обожала и каждый день смотрела по телевизору, по мере возможности подражая ей в стиле. Коротко её звали Эва, но такое имя ей не нравилось. Она, филолог по образованию, считала, что «э» в передней позиции перед «в» всегда норовит соскользнуть к «е». Поэтому в детстве девчонки во дворе часто звали её не Эвка, а Евка. А это уже совсем другое имя.

Откуда её мать, простая работница из Липецка, не слишком образованная, но очень добросердечная женщина, всю жизнь посвятившая мужу и детям, выкопала это прибалтийское имя? Единственное развлечение родителей, которое Эвелина помнила из детства, это еженедельные воскресные походы в кино. И мама, когда она спрашивала, почему её так называли, говорила, что была, кажется, эстонская актриса Эва Киви, которая мамуле очень нравилась, и свою дочурку с согласия отца она тоже назвала этим странным тогда именем Эва. Вокруг были сплошные Тани, Лены и Оли, ни одной Эвы в детстве она не знала.

Вообще-то Эвелина предпочитала, чтобы её коротко звали Линой, так и представлялась в молодости – Лина Поспелова. Но сейчас, когда ей уже чуть за пятьдесят, имя Эвелина звучало как-то значительней, тем более, что стало популярным, наверное, благодаря теледивам Хромченко и Блэданс. Эвелин вокруг удивительным образом прибавилось, так стали называть девочек довольно часто.

Эвелина Хромченко вообще была её эталоном. Она и так чем-то походила на неё – такая же тоненькая, стройная, стильная, светловолосая, в утрированно больших очках из-за близорукости, приобретённой ещё в детстве, только причёска чуть покороче, почти под мальчика, что её необыкновенно молодило.

Конечно, возраст всё равно не скроешь. Как бы не твердили с экранов и в интернете о пластике лица и тела, Эвелину не прельщали искусственно приобретённые прелести. Для тела она предпочитала мало и некалорийно есть, по мере возможности делать зарядку, но только в охотку и без напряжения, а главное побольше ходить пешком. По этому случаю даже отказалась от собственного автомобиля, на своих двоих казалось и здоровее и во многих случаях при помощи общественного транспорта, конечно, быстрее. Словом, физическими нагрузками и прочими тренажёрными залами тело своё она не мучила.

И для лица, когда готовила на кухне, использовала тоже подручные средства – овсянку, сметанку, огурчики и прочие овощи ну и, конечно, хорошие кремы. Салоны красоты с их немислимо разнообразными процедурами были не для неё – не то что не любила, просто даже не терпела прикосновения чужих рук, только в случае крайней необходимости, например, у врача. Ещё ненавидела, когда беззастенчиво впаривают дорогостоящие и бессмысленные, на её взгляд, процедуры. Конечно, приходилось терпеть парикмахеров, но тут уж ничего не поделаешь, без этого не обойтись, но и здесь пыталась приспособиться, по мере возможности подкрашивала волосы самостоятельно.

Когда знакомые делали комплименты и интересовались адресами салонов красоты и марками кремов, которыми она пользовалась, Эвелина отвечала уклончиво, отшучивалась, а внутренне благодарила маму и генетику, которые наградили её такой неуязвимой внешностью. Если смотреть в целом, она была не красавица, но обаятельно – миниатюрна, а маленькая собачка, как известно, до старости щенок.

Выходя на прогулку, Эвелина брала мужа под руку, и он, седой и величественный, шёл будто рядом с дочерью-подростком. Они были почти ровесники, но возраст ему добавляла седина, лёгкая сутулость и не всегда аккуратно подстриженная борода. А ей приятно было видеть, что прохожие иногда недоумённо смотрят на милую парочку – седовласого пожилого

мужчину и молодую привлекательную девушку. И лишь вблизи, глядя ей в лицо, многие понимали, что «молодая совсем не молода».

Иногда, пристально глядя на себя в зеркало, Эвелина рассуждала, что вроде и морщин почти нет, а те, что есть, скрывает чёлка, и кожа в целом гладкая, носогубные складки, конечно, присутствуют, но не так уж и выражены, и брыльцы совсем небольшие, и у молодых такие бывают. А вот видно и всё, что не молода. Какая-то тяжесть во взгляде появилась, и губы часто складываются в куриную гузку, вроде раньше такого не было. А когда лицо без улыбки и немного насупленное, вообще на нём заметны все приметы возраста – это и не морщины, и не цвет кожи, а какая-то пожитость, придумала она подходящее слово, печать времени, как на старых вещах, вроде бы ещё добротных, качественных, и носить можно, но уже не хочется, устарели, для использования не пригодны.

Так что не смотря на то, что выглядела она вполне прилично и молодо, глядя в зеркало, чувствовала на себе эту печальную непригодность. Вспомнила, как однажды гуляли с дочерью-студенткой возле пруда в Измайловском парке. Стояли у парапета, наблюдали за лодками, что кружили по воде вокруг небольшого островка. Вдруг увидели, что одна из лодок с молодыми парнями на борту направляется прямо к ним. Звуки на воде слышны далеко, и Эвелина услышала, как один говорит другому:

– Давай подплывай поближе, пригласим этих девчонок.

А второй, посмотрев внимательно в их сторону, противно так отвечает:

– Да ты чё, одна-то старуха.

Эвелина сделала вид, что не слышит, развернула дочь и, оскорблённая, быстро увела её от пруда.

Ей казалось, что она не заикливается на возрасте, старалась думать о нём философски, как там у Рязанова «дождь и снег, любое время года надо благодарно принимать», но всё же в такие, редкие пока, минуты, когда её тыкали носом в её лета, было немного грустно.

Хотя в целом жила она в своей семье и при своей работе вполне комфортно и спокойно. У каждого в этом доме была своя жизнь. Муж круглые сутки занимался бизнесом, в котором она ничего не понимала. Иногда, когда был в настроении, он пытался ей что-то объяснить, но слушала она невнимательно, он замечал это и злился, что она, как все филологи верхогляд и что-либо более глубокое ей недоступно, и что, если вдруг она спросит его о чём-нибудь в следующий раз, он ей снова всё повторять не будет.

– Не больно-то и надо, – думала она, – и так слушала только из вежливости.

Он постоянно ходил на какие-то встречи и переговоры, которые, когда она слышала их в телефонных вариантах, казались ей вполне пустыми, не расставался с двумя смартфонами даже в туалете, а его лучшим другом был ноутбук – с него начинался день, с ним он проводил ночи, спать ложился под утро и вставал, когда все нормальные люди уже шли на обед. Как можно заниматься бизнесом при таком графике работы, она не понимала. Впрочем, и результат от этой работы был невелик.

Дочь-студентка тоже была вся в себе – учёба, книги, встречи с подругами по универу, телефоны и тоже компьютер, в котором, кажется, была её основная жизнь – общение, знакомства, разнообразные новости, фото и видео и что там ещё возможно. Когда Эвелина спрашивала, не скучно ли ей, она отвечала, что ей никогда не бывает скучно, поскольку человек она самодостаточный.

Эвелина любила утро. Она вставала раньше всех, шла на кухню, где всё было устроено так, как ей хотелось. Светлые стены, светлая мебель, не хайтек, но чистота и изысканная, как она считала, простота. Она не любила всякие тряпочки, салфеточки, обилие баночек для специй, посуду и всевозможную утварь на столах и полках. Может быть, это было навеяно обыкновенной рациональностью – меньше уборки, но скорее любовью к порядку, который она старалась соблюдать во всём. Вот и здесь, на кухне, приучила семью жить по принципу – кто

последний за столом, тот и убирает. И как-то так повелось, что никакой грязной посуды в раковине или оставленной на столе невымытой чашки в кухне никогда не было.

Единственное украшательство, которое она позволила себе в этом почти стерильном помещении, это пара орхидей на широком подоконнике да древний уже лаврик в высоком горшке. Даже штор на окне не было. Когда-то попытались их было повесить, но цветам они мешали, держать вечно раздвинутыми смысла не было, только пыль собирать. Так что на огромном окне остался только ламбрекен под самым потолком. Хоть пыль собирал тоже, зато никому не мешал.

Муж иногда ворчал:

– Что это за дела – окно без штор! Живём, как на витрине.

– Да кому там смотреть в эту витрину, – возражала Эвелина.

Действительно, комнаты их квартиры на Пятницкой – две спальни и гостиная, выходили во двор, туда же выходили подъезды дома, там была парковка, так что без портьер там не обойтись. А окна кухни смотрели в небольшой переулок, где через дорогу стояло здание какого-то непримечательного офиса. Народу сюда ходило немного, прибегали утром быстро и незаметно, днём подъезжали посетители на автомобилях, а часов в шесть вечера окна здания уже не светились, горело только окошко охранника возле входа. Так что в кухонных шторах, считала Эвелина, необходимости не было.

Вообще-то пару раз, когда она возвращалась домой вечером через переулок, и в их кухне горел свет, она очень хорошо даже своими близорукими глазами разглядела, как муж возится у стола, который стоит как раз возле окна, ходит по кухне, открывает шкаф. Подумала:

– Правда что, как на витрине. Нет, как в аквариуме – молчаливая жизнь за стеклом. Может, правда, повесить всё-таки шторы.

Потом она посмотрела на другие окна и увидела ту же картину – как будто аквариум состоял из небольших ячеек, где люди молча ели, пили, ходили, открывали рты, разговаривая друг с другом, только звука не было. Она даже замерла на минутку, разглядывая эту картину, потом застыдилась своего подглядывания и поспешила домой.

Между делом вспомнила, что в какой-то северной стране, то ли в Дании, то ли в Норвегии людям вообще запрещено занавешивать окна, чтобы можно было видеть, что в квартире не происходит ничего предосудительного, например, странного сборища, убийства или подготовки теракта. И если шторы задёрнуты, надо проверить, всё ли там в порядке. Вообще-то это, конечно, глупо. А где, например, в таком случае людям заниматься сексом? Наверное, предполагается, что в полной темноте, при выключенном свете. А если отсутствие света покажется кому-то подозрительным, они что, будут подглядывать в окна, высматривать, что там происходит? Или, например, при включённом свете без штор голый человек выходит из ванной. Видимо, никого это не смущает, другой менталитет. Хотя думает ли кто-нибудь о том, что бомбу желающие могут изготовить и в туалете, где, надеюсь, незашторенных окон нет.

Так рассуждала Эвелина, возвращаясь домой. Потом мысленно посмеялась над собой и плюнула на всю эту катавасию со шторами – делать что ли больше нечего.

По утрам ей никто не мешал, не болтался под ногами, не кричал – где мой зелёный джемпер, кто взял мои ключи или какая там сегодня погода... Ей не надо было спешить, занятия со студентами, как правило, стояли в расписании после обеда. Так что утро единственное в сутках время, когда она была предоставлена самой себе.

Конечно, это «самой себе» было вполне условным, потому что многое и в эти часы она делала не для себя – варила мужу овсянку, жарила омлет, резала сыр, кипятила и заваривала чай, накрывала на стол. И только потом, не спеша и с удовольствием выпив большую чашку крепкого, сладкого кофе, садилась за компьютер – смотрела почту, читала книжные новинки, разбирала работы студентов, писала статьи по специальности.

Ноутбук давно уже приспособила здесь же, на кухне. Огромный стол у большого окна вмещал и обеденную, и рабочую зоны. Работать без специального стола, как говорится «на колене», Эвелина привыкла с юности, когда ещё не было компьютеров. Первая их с мужем квартира была маленькой и приходилось приспособливаться на диване.

Она с благодарностью вспоминала любимую с детства, подаренную ей, ещё школьнице, книгу Шолохова «Судьба человека». Сначала она много раз, перечитывая встречу героя с названным сыном, каждый раз долго и горестно рыдала над этими впечатляющими строчками. Потом бережно хранила это подарочное издание большого формата в твёрдой обложке. И наконец книга пригодилась снова, когда стала служить своеобразным письменным столом, она удобно устраивала её на коленях, подвернув под себя ноги, сидя на диване. Писать так было довольно удобно. Свой университетский диплом Эвелина так и написала «на колене».

Потом, когда дочь пошла в школу, ей купили письменный стол, но он всегда был занят тетрадками и учебниками. Так что товарищ Шолохов долго ещё вырочал Эвелину в работе. Первый большой, если не сказать громоздкий, компьютер, приспособили опять же в дочкиной комнате, работали на нём, как говорится «в драку собаку». А уж когда появились ноутбуки, купили каждому свой.

С одной стороны, это была большая радость и удобство, с другой – начался этап некоторого разобщения семьи. Квартира разделилась на зоны присутствия. Муж мог спокойно работать под вой телевизора в гостиной, дочь засела у себя в комнате, а Эвелине было необходимо сочетание тишины и одиночества с близостью домашних дел, например, готовки ужина или завтрака. Скажем, не отходя от компьютера следить, не подгорает ли каша и не залил ли плиту кофе. Кухня с её огромным столом, как ни странно, оказалась для Эвелины самым удобным местом в доме.

По утрам она часто стояла с чашкой кофе у окна, иногда присаживаясь на широкий подоконник, и смотрела в пустой переулочек, на заснеженные деревья, на окна офиса напротив, с закрытыми постоянно жалюзи, сквозь которые едва пробивался свет, на охранника, высокого, крепкого мужчину, который время от времени выходил на крыльцо, то беседуя с входящими, то помогая въехать в неширокие ворота габаритным автомобилям. День начинался.

Его имя казалось ему не только дурацким, но и совершенно отвратительным. Викентий. Кто сейчас называет детей такими именами? Объяснялось всё просто. В семье была такая тупая, на его взгляд, традиция – называть вновь рождённого внука именем деда. Вот и были у них дед Викентий Семёнович, отец Семён Викентьевич, а он следовательно снова Викентий Семёнович.

Он отчего-то верил в некоторые судьбоносные приметы. Ну вот, например, что там пророчили в старом мультике? Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт. То есть имя каким-то образом влияет на человека, оно должно ему подходить.

Родители Викентия занимались биологией, и его отцу такое заковыристое, как он считал, имя вполне подходит. А ему самому хотелось быть Максимом или Данилом, на худой конец Артёмом. Ему казалось, что и впечатление на окружающих он производил бы совсем другое. Он мог бы тогда при знакомстве представляться на западный манер Макс или Дэн. А так коротко все звали его Кеша. Мальчишки в детстве часто в шутку легонько хлопали его по щеке и, как в кино про Ивана Васильевича, произносили, скорчив рожу:

– А, узнаю, Кеша, Смоктуновский.

Хотя Смоктуновский был не Викентий, а Иннокентий, для ребятшек это особого значения не имело. Кеша и Кеша. Ещё хуже, когда дома его называли девчачьим именем Вика. Фамилия, конечно, тоже подкачала. Он был Кеша Чулков. Смешно.

Вообще-то Викентий не был таким уж тщеславным выпендрёжником, просто природа наградила его приличной фактурой – ростом, плечами, силой, и когда на старших курсах института физкультуры он участвовал в соревнованиях по боксу и занимал призовые места,

и его объявляли на ринге – кандидат в мастера спорта страны по боксу Викентий Чулков, ему это сочетание казалось каким-то нелепым и даже карикатурным. Вот и последующие неудачи в спорте Викентий объяснял происками судьбы.

После армии Кеша месяца два отдыхал, слегка раздобрел на материнских харчах, профессиональный спорт ему не светил и устроился тренером по боксу в подростковый клуб. Времени хватало и нашёл ещё одну работу – охранником в офисное здание в центре. Дежурство сутки через двое. Распределил часы так, что одно другому не мешало.

Двадцать с небольшим – не возраст, но мать твердила – пора жениться, парень был домашний, и она боялась, что не обременённый собственными семейными заботами Кеша вдруг совсем расслабится, загуляет, время такое, что запросто втянется в какие-нибудь непотребства.

А ему хотелось сначала подкопить денег, может быть, взять ипотеку, отделиться от родителей. Да и девчонки подходящей не было. По клубам он не ходил, работал зачастую вечерами, так что знакомиться с женским полом как-то не удавалось, а современные знакомства по интернету он не признавал, подозревал, что там сплошные подставы, кто-то рассказывал, что под именем девушки с ним переписывался мужик преклонного возраста. И смех, и грех.

В офисе, куда он устроился недавно, были какие-то дамы, но надо же приглядеться, а ему было не до того – на первую скопленную сумму с поддержкой родителей купил приличную машину, и пока только она и увлекала, его серебристая красotka.

Женщины, конечно, обращали на Кешу внимание. Рост и разворот плеч мужчины всегда привлекают и юных девиц, и зрелых дам. Правда, голубые глаза и курносый нос, казалось, вполне симпатичные у других, в случае с Кешей привносили в его облик такую незрелую юность, будто к лицу мальчика-школьника приладили огромную, мощную фигуру атлета. Офисные девицы с ним флиртовали, но он старался быть отстранённо-вежливым, никого пока не выделяя.

Днём в офисе было не скучно. То и дело появлялись посетители, приходилось фиксировать паспортные данные в журнале, делать отметки о выходе, размещать на парковке подъезжающих на машинах клиентов, наблюдать в мониторы за территорией, где или велись строительные работы, то спиливались старые деревья, да мало ли чего происходило за день.

Ночью входная и задняя двери блокировались, и он дремал на своём диванчике, приставленном к камерке охраны. А вот вечера казались длинными и тоскливыми. Читать Викентий не любил, к компьютерным играм тоже как-то не пристрастился, разве что тыкал бездумно в фигурки Маджонга, уставая от мелькания цветowych пятен и скорости окончания игры. Не привлекали его и всевозможные мужские сайты – красотки, секс, порно... Не его это всё.

Любил смотреть боевики, особенно американские, новые и старые со Шварценеггером и Сталлоне. В фойе стоял телевизор, но боевики впечатляют только с полным звуком, а здесь включать телик громко не рекомендовалось, отвлекает от работы, мало ли чего можно не услышать на пустой территории или в самом офисе поздно вечером. Кеша был добросовестным работником, все правила, предписанные ему по службе, привык выполнять, как положено. Так что телик на полную мощь не включал, а смотреть почти без звука было неинтересно.

От скуки Кеша стал наблюдать за жизнью стоящего напротив дома. Это тоже как в телевизоре и тоже без звука, но тут всё было настоящим, а додумывать, что и как это ещё интереснее, чем в кино. Дом был довольно простецкий, старый, но не древний, уже не сталинка, но ещё и не хрущёвка. Чувствуется, что квартиры не маленькие, потому что окна в них большие, значит и потолки высокие, и по площади, наверно, приличные.

В переулочках выходили и комнаты, и спальни, и кухни. Окна спален почти всегда, как только в них зажигали свет, занавешивали шторами. Жизнь в них как бы замирала. А вот в комнатах она кипела, где бурная, весёлая, с большим количеством людей, застольями по выходным; где тихая, малосемейная с телевизором или компьютером; где-то резвились дети, сидели

на подоконниках кошки. . . Во многих квартирах были балконы, но люди редко выходили на них зимой, разве что покурить, тогда из комнат вырывались звуки – крик детей, музыка, ярые голоса участников телевизионных шоу. Но Викентий их почти не слышал из-за стёкол своего офиса.

Он и сам уже заметил за собой эту привычку – как только часов в семь офис пустел, он устраивался поудобнее в своём кресле и начинал смотреть собственное кино, придумывая сюжеты происходящего в доме-телевизоре. Честно говоря, внутренне он слегка смущался, что подглядывает за чужой жизнью, но успокаивал себя тем, что никакого вреда это его так называемое хобби никому не несёт.

Он видел, как женщина вечерами укачивает ребёнка, что-то напевая ему, и додумывал, что, возможно, это мать-одиночка, которая, должно быть, не высыпается ночами, а помогает ей только бабушка-старушка, которая тоже иногда появлялась в окне. Он видел, как частенько ругается, жестикулируя и швыряя что-то на пол, молодая семейная парочка. Смеялся глядя, милые бранятся, только тешатся. В другой квартире почти каждый день в своей ободранной кухне выпивает, наверное, пиво мужик в майке и уходит, шатаясь, даже забывая порой выключить свет. Ну, этот, видно, совсем пропащий, жена, небось, ушла, родня наплевала, вот и заливаешь горе потихоньку. А вот в соседнем окне, может, и мать этого пьянчуги достаёт лекарство из шкафчика и, подойдя к свету, отсчитывает капли в чашку.

В общем, шла за окнами обыденная человеческая жизнь со своими бедами, радостями, будничными делами. Кеша плохо видел лица из-за стёкол, где-то ещё и немых. Он не узнавал этих людей на улице, потому что двери подъездов выходили во двор, и жители редко появлялись в переулке, разве что сокращая путь к метро. Да он бы и так не узнал их, потому что стояла зима, и все были одеты в пальто и шапки, так что тепло закутанные люди совсем не походили на тех, что он видел в окнах. Но кто, где и как ведёт себя в квартирах дома напротив, он уже хорошо представлял.

Больше всего ему нравилось одно окно на третьем этаже, которое было как раз напротив его крыльца. Светлая, просторная, ничем незахламлённая кухня чётко виднелась в свете яркого абажура. Он наблюдал за ней не только вечером, но и по утрам, когда возле офиса ещё только начинал копошиться дворник.

Свет зажегся, и в окне, как на экране, появлялась женщина. Она почти сразу подходила к окну и что-то пила из чашки, поглядывая на улицу, наверное, высматривая погоду. Она была вся такая светлая в темноте зимнего утра. Тоненькая, затянутая в бежевый халат, с немного встрёпанными светлыми волосами. Только лица он как следует не мог разглядеть за сплошным рядом стёкол своего офиса и её квартиры.

Потом она начинала плавно двигаться по кухне, то исчезая из поля зрения, то снова появляясь. Вот она что-то достаёт из холодильника, из шкафов, подходит к столу, который, видимо, стоит у окна, что-то ставит, должно быть, накрывает к завтраку.

Порой видимость перекрывал большой цветок на окне. Но Кеша уже знал, что через некоторое время она встанет у окна снова или присядет на подоконник с чашкой кофе или чая и будет медленно, прикусывая что-то, наверно, печенье, пить маленькими глотками, разглядывая переулочек, редких прохожих и, может быть, его, Викентия, смотрящего на неё и стоящего почти напротив в камерке у своего окна.

Он не знал, видит ли она его, но почему-то хотелось, чтоб видела. И он стал чаще выходить на крыльцо, чтоб как бы поразмяться, ходил туда-сюда, глядя вроде как работает дворник, а сам то и дело взглядывал на её окно. Пристально смотреть стеснялся, думал:

– Примет ещё меня за какого-нибудь маньяка. Глупо, конечно, – удивлялся он над собой, – но вот такую жену я хотел бы иметь, тоненькую, беленькую, чтоб готовила мне завтрак, чтоб по утрам в квартире пахло кофе.

Утром, когда светало, электричество выключали, и то, что дальше происходило за окнами, было уже не видно, да и рабочий день начинался. А вечерами он пытался понять, что у неё за семья и как ей живётся в её «аквариуме». Он видел крупного седого мужчину, который, на его взгляд, годился ей в отцы. Кто он? Действительно отец или муж? Он видел худенькую, совсем юную девушку, которая появлялась на кухне очень редко. Она дочь? Или сестра? Может, это отец и две дочери? Или отец, дочь и внучка? Самый простой вариант – муж, жена и дочь, нравился ему меньше всего.

Он не видел каких-то нежностей, объятий, поцелуев. Выражений лиц, правда, тоже не было видно, но движения, жесты, как ему казалось, выдавали, что не всё благополучно в их семействе. Вечерами муж появлялся на кухне поздно, сам копошился у плиты, что-то ставил на стол. Когда приходила она, оба молчали, как бы игнорировали друг друга. Иногда, наоборот, он что-то много говорил, стоя и жестикулируя, она почти не отвечала, потом, не прерывая его очевидный монолог, уходила из кухни, а он, или выбегал следом, или, наверное, что-то выкрикивал вслед, судя по его развороту в сторону двери. Такая жизнь, такая разобщённость Кеше не нравились.

Эвелина давно уже заметила, что один из охранников частенько посматривает на её окно. Честно говоря, она не была вполне уверена, что смотрел он именно на неё. Во-первых, с детства была близорука, во-вторых, двойные рамы и расстояние до офиса через дорогу представляли значительное препятствие для её зрения. Но так или иначе этого мужчину она выделяла среди других по крепкой, ладной фигуре, росту, хорошо сидящему костюму.

Когда по утрам она пила свой кофе и смотрела на него, то даже придумала ему биографию. Она почему-то решила, что это отставной военный, решивший на пенсии подработать. Служба в охране для молодых военных пенсионеров теперь дело обычное. Сколько их, по сути бездельников, стоит сейчас у входов в разные заведения. Здоровые мужики маются на каждом углу, изображая важность своего стояния и своей персоны. Почему она решила, что ему за сорок? Лица она совсем не видела, а фигура при всей её выправке показалась ей всё же чуть погрузневшей, и движения не такими быстрыми и резкими, как у молодых, а чуть более замедленными и плавными.

В общем, она смотрела на него и рассуждала, что, возможно, он одинок, если позволяет себе дежурить ночами. Иногда, после окончания дежурства, он, видимо, никуда не спешит, потому что очень медленно чистит от снега свой автомобиль, прогревает мотор и спокойно, на маленькой скорости, выезжает в переулок.

Эвелина стала ловить себя на мысли, что рано утром, когда город только просыпается, а она сама выпивает свой утренний стакан воды для пользы здоровья, а он выходит на крыльцо и смотрит в её сторону, ей хочется понять, не ошибается ли она. И как-то раз она, сама не зная зачем, подняла руку и вроде бы как поправляя волосы, легонько помахала ладонью из стороны в сторону.

Он, как будто до него неожиданно дотронулись, чуть-чуть дёрнул головой, посмотрел вокруг, к кому обращено это неожиданное приветствие, понял, что рядом больше никого нет, и тоже осторожно невысоко поднял ладонь и слегка шевельнул ею, отвечая и будто не веря, что не ошибся.

Она тут же отошла от окна. Внутри что-то слегка вздрогнуло. Мысленно стала иронизировать над собой:

– Фу ты, дурочка какая! Что за порыв такой странный? Ну смотрит человек в чужие окна, ну скучно ему, а мне-то что? Ему просто делать больше нечего, вот и всё. Что он у нас тут может высмотреть? Кухня и кухня. А может, всё-таки повесить шторы?

Но старые уже куда-то запропастились, искать их не хотелось, новые надо было ещё купить, но всё как-то недосуг, так что об этом своём порыве она благополучно забыла.

А на другой день, подойдя к окну, снова увидела его. Теперь она уже понимала, что смотрит он именно на неё. Сзади неожиданно подошёл муж.

– Чего это охранник так внимательно смотрит на наше окно?

– Почему это на наше? – она вздрогнула от неожиданности и повернулась к нему.

– Я же вижу, прямо сюда уставился, – настаивал муж.

– Да он на все окна смотрит. Что ему ещё делать? – постаралась придать равнодушные голосу Эвелина.

– Я давно тебе говорю, что надо повесить шторы, а то заглядывают сюда к нам всякие...

– Да что у нас тут смотреть-то? А если тебе надо, ты и вешай. Скоро вон листья на деревьях распустятся и ничего будет не видно.

С этими словами она вышла из кухни. Муж ещё поворчал, ещё раз посмотрел в окно, но охранника уже не было на крыльце.

Викентий видел, как к ней сзади подошёл седой мужчина и сказал что-то резкое, указывая на него. Она даже вздрогнула и быстро отошла от окна. Кеша немедленно вернулся в свою каморку, прикрыв дверь. Из своего окна он видел, что они ещё говорили о чём-то, посматривая в сторону офиса. Потом женщина ушла, а мужчина снова подошёл, облокотился на подоконник и какое-то время смотрел в переулок.

– Не хватало ещё, чтобы у неё из-за меня были неприятности, – подумал он.

С тех пор выходить на крыльцо и смотреть на её окно стал реже.

А между тем, подступала весна. Народ снимал свои шубы и шапки, всё вокруг повеселело, стало разноцветным и ярким. Как-то раз он увидел, что из-за угла дома по другой стороне переулка вышла женщина. Он сразу узнал её, хотя вот так на улице в полный рост видел впервые. Он узнал её по модной короткой стрижке, белокурым волосам и по стильным очкам. И вообще он ещё раньше заметил, что она была похожа на какую-то модную стилистку из телевизора, которую он видел несколько раз и которой восхищалась его мать. Стройная, с тугим ремнём на талии, на высоких каблуках, видимо, привычных ей, так легко, почти летя, вышагивала она по асфальту.

Очевидно, она тоже боковым зрением увидела и узнала его, выходящего из офиса, и, пока он, раскрыв рот, рассматривал её наяву, снова помахала ему легонько перчаткой и скрылась за поворотом.

Она нравилась ему всё больше. Викентию казалось, что дома она одинока и несчастлива. Сама приносила сумки, сама готовила еду, вечером он видел, как протирала что-то на тёрке, нарезала, варила, приоткрывала форточку, когда запотевали стёкла... А ужинала, так же как и завтракала, всегда одна.

Его удивляло, что в этой полноценной на первый взгляд семье не было общих застолий, семейных обедов в выходные или общих ужинов, к каким он привык в доме у родителей. У них дома все, кто был не занят, обычно собирались к столу в одно время, ели, разговаривали, шутили. Здесь же или все были заняты в разное время, или просто приходили за стол, кому когда захотелось. Она готовила, а они доставали из холодильника, подогревали, ели, а потом, правда, мыли за собой посуду.

Долгими зимними вечерами Кеша изучил все привычки этой семьи и видел, что здесь люди жили, будто каждый сам по себе. Впрочем семья, как таковая, его не интересовала, он больше смотрел на женщину, которая так нравилась ему и которую он искренне жалел.

– Наверное, она ненамного старше меня, но у неё уже семья, в которой она чувствует себя одинокой.

Это умозаключение очень расстраивало Викентия, потому что он за эту зиму как-то по особому привык к женщине в окне и очень хотел, чтобы она была счастлива. Он только не знал, как это сделать. Ему хотелось быть рядом с ней, хотелось увезти её на своей серебрястой машинке аж на край света, ехать долго по бесконечной дороге, а потом жить на берегу

моря, просыпаться от запаха кофе и пить его вместе с ней, стоя у окна. Это были даже не мечты, а какие-то видения наяву.

Зарядили дожди. Эвелина спешила на работу и выскочила в переулок, чтоб срезать дорогу к метро. Дождь лил холодный и противный, из-за туч с утра стоял почти вечерний сумрак. Она ещё не успела раскрыть зонт, как волосы намокли и прилипли ко лбу, стёкла очков залило водой.

Викентий возился с машиной. Дежурство кончилось, он собирался ехать домой и вдруг увидел её. Она явно спешила, на ходу открывала зонт, что-то заело, зонт не поддавался, и она тут же успела вымокнуть.

Он даже не сообразил, что делает, быстро подбежал к ней, подхватил под руку, потянул к машине, на ходу предлагая:

– Бежим скорее, я вас подвезу.

И она, не сопротивляясь, побежала за ним, захлопнула мокрый зонт и плюхнулась на переднее сиденье. Он закрыл за ней дверь, быстро перебежал на другую сторону, тоже промок и, хлопнув дверью, включил свет в тёмном салоне. Ещё не глядя на неё, увидел зонт, с которого капала вода, и сказав:

– Давайте я пристрою ваш зонтик, – повернулся к ней.

Они оказались лицом друг к другу.

Когда Эвелина увидела это юное, ей даже показалось веснушчатое, лицо не мужчины, а мальчика, почти подростка, она мысленно ахнула:

– Боже! Ему, наверное, лет двадцать или ещё меньше. Какая же я старая дура! Махала ему из окна. Идиотка! Стыд и срам.

Она, взрослая женщина, конечно, справилась с собой, со своей растерянностью от неожиданного понимания, что флиртвала не со зрелым мужчиной, как ей представлялось, а с простоватым, совсем ещё молодым парнишкой.

А Викентий, увидев вплотную перед собой мокрое, облепленное волосами лицо без очков, к которым он привык, лицо с морщинками возле глаз и вокруг накрашенного бледной помадой рта, в общем, со всеми признаками стареющей женщины за пятьдесят, не сумев справиться с разочарованием, быстро отвернулся и хриплым голосом спросил:

– Куда вас подвезти?

– Вообще-то мне в сторону Садового кольца, – неопределённо ответила она.

– Здесь трудно развернуться. Давайте я подброшу вас до метро.

– Буду вам очень признательна, – сдержанно ответила Эвелина.

Он довёз её до Новокузнецкой. Она быстро юркнула в метро, всё ещё ругая себя и смеясь над собой одновременно.

А он, смущенный и расстроенный, поехал домой и думал, что подглядывать в чужие окна всё-таки неприлично.

Вечером, возвращаясь домой, Эвелина зашла в хозторг и купила первые попавшиеся кухонные шторы.

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...

Разводились они интеллигентно. До этого были, конечно, ругань, споры, непримиримые противоречия. Слава богу, обошлось без драк, хотя иногда ей очень хотелось запустить чем-нибудь в его пьяную голову.

На суд пришли вовремя. Он в новой, модной, цветастой рубашке, благоухающий незнакомым вкусным парфюмом. Она – с пузырьком валерьянки в кармане, из которого половину таблеток уже сгрызла.

Их пригласила в кабинет немолодая уставшая женщина, прочитала заявление, которое написала Маргарита, спросила, дать ли им время для примирения, на что он быстро ответил:

– Нет, теперь это уже невозможно.

– Почему теперь? Что такое невозможное, по его понятиям, случилось за этот месяц? – подумала Маргарита и тоже помотала головой.

– Алименты на сына назначать будем? – поинтересовалась судья.

– Да, конечно, – ответила Маргарита.

Женщина разъяснила им ещё какие-то формальности и сказала, что они свободны. Они вместе вышли из здания суда, постояли у крыльца. Говорить в принципе было не о чем. Она отметила, что он посвежел, Он, наверное, думал о чём-то своём, потому что на неё не смотрел.

– Штамп о разводе ставить будешь? – как бы между прочим спросила она.

– Денег нет. Там ведь какую-то пошлину платить надо, – пробормотал он.

– А у меня времени нет, – сказала она.

Так и разошлись. Никто, даже родственники, не сразу узнали, что они не вместе. Вообще расставание с мужем Маргариту пугало не очень. Он и так редко бывал дома, то командировки, то какие-то дежурства. Да она и сама была занята на работе. Беспокоили некоторые бытовые дела, которые, как правило, лежали на нём. Например, дача, требовавшая ухода, засаженный овощами огород, покупка продуктов, которые он обычно завозил впрок на неделю, поскольку был на колёсах.

Ну и несколько смущало положение разведёнки. Совсем недавно вместе с подругами они смеялись над песней Пугачёвой «Мадам Брошкина», определив эту мадам как брошенку. А тут саму впору было назвать тем же словом. Хотя разведёнок вокруг было полным-полно. Тем более, что психологически брошенкой она себя не считала, поскольку никто её не бросал, а на развод подала она сама.

Двенадцатилетнему сыну Гришке о разводе она тоже не сказала. Думала, как-нибудь само рассосётся, потому что ведь для него почти ничего не изменилось. Отца и так вечно не было дома. Сейчас он стал появляться даже чаще – привозил овощи с дачи, дарил ребёнку какие-то подарки, вывозил их вдвоём на базу отдыха и вообще, куда попросят. А то, что отец не ночевал дома, он, кажется, и не замечал.

В общем, на первый взгляд жили Маргарита с Гришей как прежде, каждый занимался своими делами, она – работой, он – учёбой. Правда, временами накатывала на неё такая тоска, что видеть никого не хотелось. Особенно, когда узнала от одной из подруг, что бывший муж живёт в соседнем с ней доме, в другом районе города, у какой-то бабы.

Чтобы как-то избавиться от гнетущей тоски, Маргарита даже попробовала выпивать по рюмочке вечером. Чтобы не видел сын, прятала бутылку и, пока готовила на кухне, быстро глотала противную жгучую жидкость, зажёвывая её кусочком хлеба. Как ни странно становилось не только не легче, а наоборот, расслабленная нервная система выдавала наружу сдавленные взрыдывания, которые она глушила льющейся водой, боясь напугать сына.

Потом прочитала у психологов, что в трудной жизненной ситуации хорошо бы сменить окружающую обстановку. Менять хорошую работу на неизвестно какую ей не хотелось

и решила Маргарита изменить себя и свой дом. Первым делом пошла в салон красоты, сделала модную стрижку, перекрасилась в рыжий цвет и зачем-то выщипала брови. Купила пару новых одёжек, а дальше принялась за жилище. Решила обновить интерьер, а для этого сначала продать кое-какую старую мебель, пыльные ковры, дребезжащий холодильник и целых три устаревших телевизора.

В голове всё время крутились стихи одной знакомой, которые она написала, когда оказалась в подобной ситуации:

И вот настал великий перелом,
Я начала переустройство мира.
Попалась первой под руку квартира,
Перевернула я её вверх дном,
Отмыла и отчистила всю грязь,
Повыкидала всё, что было скучно,
И за ремонт тихонько принялась,
И стала вдруг сама себе послушна.

Стать послушной самой себе Маргарите очень хотелось, но браться за ремонт было выше её сил, и она начала с поиска покупателей на своё добро. В почтовом ящике вечно валялись газеты бесплатных объявлений, которые она обычно тут же вышвыривала в мусорное ведро. А тут решила посмотреть, что же там бесплатно объявляют.

Как ни странно, она тут же натолкнулась на нужные предложения о вывозе холодильников и телевизоров, правда, за это надо было ещё и заплатить, но совсем немного.

– Ну и фиг с ними, – подумала она, – телевизор вообще не нужен, всё смотрю в компьютере, а уж холодильник-то завтра же куплю.

В самом конце, после желающей купить ковры дамы по имени Анжелины, она вдруг увидела колонку объявлений под рубрикой «Знакомства».

– Надо же, я думала, что все желающие теперь знакомятся в Интернете, а тут вон сколько страждущих. Смешно, противно и стыдно выставлять напоказ себя и своё желание занять какого-нибудь завалищего мужичонку, – рассуждала она, тем не менее разглядывая объявления, тупые и неинтересные.

Одно из них всё же привлекло её внимание, потому что было совсем нестандартным. Какой-то мужик по имени Станислав писал: «Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая, заря моя вечерняя...»

Это были слова старой песни, которую Маргарита очень любила и часто напевала.

– Вот те на, мужик-то реально тоскует. И возраст у него, видать, не юный, если нужна ему «заря вечерняя», – подумала Маргарита.

Она тут же вспомнила давнюю смешную историю. Когда только ещё впервые вышла рижская газета с объявлениями о знакомстве, это стало неслыханным чудом в их закомплексованной стране, где, как известно, даже секса не было. Одна из подруг Маргариты, каким-то образом раздобыв газету, стала уговаривать двух других девиц помочь ей составить объявление. Она была не замужем, возраст подпирал, а тут такое счастье привалило – подал объявление, и жених тут как тут. Другая, разведённая уже к тому времени, хоть и довольно молодая, подруга заявила, что тоже хочет участвовать в эксперименте по поиску жениха. У Маргариты уже был муж, но она, как самая лёгкая на выдумки, предложила такую штуку – выбрать подходящего по описанию мужичка и написать ему втроём, на выбор.

Ленка, жаждущая любви, нашла подходящую кандидатуру учителя тридцати пяти лет, не имевшего ранее семьи, живущего с мамой в Риге. И они написали ему письмо. Расписали себя. Одна – брюнетка с талантом домохозяйки, готовит, шьёт и вяжет. Другая – блондинка с точёной фигурой, любительница спорта. И третья – романтичная, русокосая поклонница поэ-

зии и музыки. Письмо отправили. Маргарита – автор идеи, мысленно посмеялась над наивными подругами, а у них в глазах стояла надежда.

Ответ пришёл довольно скоро. Учитель сообщал, что получил целый мешок писем со всего Советского Союза, но только одно было сразу от трех девушек, поэтому он и отвечает одновременно троим. В конверт он вложил фотографию на паспорт – полноватое лицо, прилизанные волосы, пиджак, галстук, – в общем, учитель, как учитель, можно сказать, типичный. Таких кругом пруд пруди. Правда, у всех в основном есть семьи, а у этого прилизанного только мама да ещё в Риге. Все втроём снова посмеялись над своей затеей, Маргарите было всё равно, так что смеялась она больше всех и думала:

– Бедный учитель, будет теперь ждать от них ответа, как соловей лета.

Она всё ещё не понимала, что это послание только для неё было забавой, а бедные девки приняли его всерьёз, и вскоре она узнала, что та самая Ленка всё же написала рижанину ответ, и тот на удивление из всех всесоюзных невест выбрал именно её, домоседку и рукодельницу, и пригласил её в гости.

Взяв неделю отгулов, Ленка рванула в Ригу. Жених с мамой жили на верхнем этаже старого дома с камином в двух небольших комнатах. Мама выглядела не такой уж старой – фиолетовые модные у старушек буколки обрамляли лицо почти без морщин, губы тоже в фиолетовой помаде и массивные кольца на узловатых пальцах. По сравнению с ней Ленка выглядела простушка простушкой – самодельная юбка, свитерок, никаких колец и бус и только огромный, яркий, саморучно связанный шарф привлекал к себе внимание – всё, что создано вручную, ценилось.

В квартире стоял жуткий холод. Два полешка, брошенные в камин, быстро прогорели. В той комнате, где устроили Ленку, ноябрьский ветер выдувал напролёт всё тепло, которое она берегла в себе, сжавшись в комок. Хозяйевам она старалась не подавать вид, что мёрзнет, а когда осталась одна в своей спальне, расслабилась и дрожала так, что готова была накрыться поверх жидкого одеяла не только своим пальто, но и скатертью со стола, от чего её удержала только боязнь показаться совсем уж невоспитанной провинциалкой. Она представила, как фиолетовая мама, войдя в комнату и увидев новоявленную невесту под её любимой вязаной скатертью, упадёт в обморок и выгонит её из дома.

Семейство намекало, что приходится экономить на всём, такая жизнь. Трубы отопления почти не грели, электрообогреватель съедает много электричества, а камин из-за отсутствия дров разжигали только по праздникам. Домашний холод компенсировался прогулками по Риге, органным концертом в зале Домского собора, посиделками в кафешках, где всегда полно людей, которые сидели и парами, и в одиночку, и целыми весёлыми компаниями – встречать гостей дома было не принято. Этот западный образ жизни, который тогда ещё был мало доступен основному населению страны, пленил Елену прочно и надолго. Пожалуй, прилизанный учитель интересовал её значительно меньше, чем эта красивая, на взгляд заезжей гостьи, жизнь.

Дома она только и говорила об этом:

– Девочки, зачем ездить за границу? Если вы хотите увидеть заграничную жизнь, нужно просто побывать в Прибалтике. Это как в кино.

Действительно, позже выяснилось, что практически все советские фильмы про шпионов и проклятый капитализм снимались в родном Союзе, в братских республиках Прибалтики, особенно часто в Риге.

В общем, окрылённая поездкой Ленка с восторгом рассказывала нам о прелестях «узких улочек Риги», напевая популярную тогда песню. Правда, о бытовых проблемах рядовых рижан она почему-то умалчивала. Вдохновлённые её примером незамужние подруги бросились писать в рижскую газету объявлений, а Ленка принялась ждать письма от благородного

семейства с приглашением вернуться к ним уже навсегда. Она потихоньку даже начала собирать вещички, но письма всё не было.

Тогда она заказала телефонный разговор с Ригой. К телефону подошла мама и вежливо попросила больше не звонить, к сыну приехала другая невеста. Ленка страдала. Девушки сочувствовали и возмущались, хотя чему тут было возмущаться, когда у человека был такой выбор – весь Советский Союз.

– Какие же это траты на поленья для камина, – немного придя в себя, хихикала Ленка. – Ладно хоть в Риге побывала, а то так бы никогда и не собралась.

– Когда это было? Чего вдруг вспомнилось? – подумала Маргарита.

Она отложила газету, позвонила тётке по имени Анжелина, которая быстренько, часа через два, примчалась за коврами и увезла их чуть ли не на велосипеде. Маргарита подмела пыльный пол и снова взялась за газету. Ещё раз прочитала объявление. Дальше мужик писал:

– Женюсь на женщине, достигшей чего-то в жизни. И адрес до востребования.

– Что значит – женщина, достигшая чего-то в жизни? Очень многозначительно. Достигшая карьеры, а, может, благосостояния, богатства, успеха? – рассуждала Маргарита.

И чего-то вдруг так задело её это послание, что она неожиданно для себя, быстро, чтоб не передумать, написала на листке: « Позвоните мне. Маргарита.» И добавила номер рабочего телефона. Подумала, что в кабинете она одна, а дома трубку может взять сын. Тут же пошла, купила конверт и опустила его в ящик на почте, посмеявшись над собой, что забыла уже, как это делается. Писем на бумаге практически никто не писал.

Буквально через день, когда она подняла трубку на звонок с привычным – да, слушаю, – ей ответил низкий мужской голос:

– Это Маргарита?

– Да, слушаю вас, – уже не так резко и как-то догадавшись, что это за звонок, откликнулась она.

– Это звонит Станислав. По объявлению, – объяснили в трубке.

– Слушаю вас, – снова повторила Маргарита, не зная, что говорить.

– Видимо, заело, – засмеялся мужчина. – Это я вас слушаю, вы же просили меня позвонить.

У него был голос низкий и хриловатый, с каким-то неуловимым почти придыханием, когда посмеивался. Голос полного человека, слегка задыхающегося что ли, подумалось Маргарите.

– Ой, простите меня. Может быть, мне не стоило просить вас позвонить. Просто я очень люблю эту песню « Услышь меня, хорошая».

– Значит вы меня действительно услышали, чему я безмерно рад. У вас очень приятный голос. А может, мы где-нибудь встретимся и поговорим не по телефону.

Маргарита вдруг испугалась.

– Дура, – обругала она себя. Может, это маньяк какой-нибудь. Они все, судя по детективам, прикрываются сентиментальностью. Вишь, на песенку меня поймал. Куда это я с ним пойду? Да куда, конечно. Надо как-то выкручиваться.

Но Станислав сам, понимая, видно, её колебания, стал смягчать ситуацию.

– Естественно, ко мне в гости вы не пойдёте, я даже не решаюсь предложить, тем более, что у меня ремонт. Я недавно купил квартиру и привожу её в порядок. К себе вы меня, конечно, тоже не позовёте, ясен перец, я бы этому очень удивился. Так что давайте где-нибудь на нейтральной территории, где вам удобно.

– А много женщин вам написали? – чтобы обдумать предложение, спросила Маргарита, вспоминая мешки писем Ленкиного жениха.

– Да человек сто, наверное, но вы были первой. И мне будто крик почудился. Во всех письмах подробные рассказы о себе, житье-бытье, я даже и читать все не стал, а тут – позвоните мне! И всё. Будто ещё слова «срочно» не хватало. Может, это судьба.

Маргарита подумала:

– А ведь он правду почувствовал – мне надо было что-то срочно с собой поделать.

– Хорошо, давайте встретимся. – Она назвала адрес, недалеко от своего офиса в скверике, рядом с автобусной остановкой, где всегда людно, и можно, если будет необходимость, быстро сбежать.

Когда она подошла к остановке, сразу узнала его. Сама не поняла почему, но знала, что это он. Мужчина был огромного роста, выше всех вокруг, и сам весь большой, похожий на медведя. В руках он держал розу. Возможно, этот яркий цветок привлёк внимание Маргариты, и она сразу направилась к нему. Посмотрев в лицо, увидела совершенно бандитскую рожу, как у актёров в фильмах про криминальные разборки – приплюснутый нос, мощная челюсть, небольшие острые глаза. К тому же мужчина был очень коротко стрижен. Не лыс, что можно было бы принять за дань моде, а именно стрижен, как будто волосы только начали отрастать.

– Точно. Уголовник после отсидки, – подумала Маргарита и уже хотела было ретироваться.

Но он заметил, что женщина направлялась к нему и тоже пошёл ей навстречу, протягивая розу и улыбаясь. Улыбка разом смягчила черты лица, и оно стало почти обаятельным, ироничным, оставаясь при том несколько нестандартным. Видимо, Станислав знал, какое первое впечатление он производит, поэтому сразу сказал:

– Пожалуйста, не пугайтесь, внешность обманчива. Я не бандит, не уголовник, не новый русский барыга. Я бывший военный в отставке, работаю в службе охраны банка.

– Телохранителем что ли? – от неожиданности спросила Маргарита, вспомнив, что такой мощной фигурой обладают обычно бодигарднеры в фильмах.

– Да какое тело там охранять-то? – засмеялся мужчина, – Никто ни на одно не позарится. Ей тоже стало смешно, и на душе немного полегчало.

– А вы чем занимаетесь? – спросил Станислав.

– Я начальник отдела небольшой строительной фирмы. Живу с сыном. Год как развелась.

– Я тоже в разводе. Служил в Питере, там у меня взрослая дочь. Теперь вот приехал сюда, на родину, купил квартиру, ремонтирую для будущей семейной жизни. Занимаюсь боксом, мастер спорта, вот нос подтвердит. – Он снова засмеялся.

– Весёлый какой, – подумала Маргарита, она всё ещё не могла найти нужный тон и не понимала, как себя вести и о чём говорить с этим неожиданно свалившимся ей на голову человеком. Но что-то надо было говорить и она сказала:

– Какой вы молодец, всё успеваете.

– А вы? – В свою очередь спросил он.

– А я ничего не успеваю, если честно. Работа, дом. Раньше муж кое в чём помогал, теперь вот одна всё тяну. Вообще тяну это громко сказано, ничего я не тяну, вместо уборки вяжу носки и шапки для себя и подруг. Терпеть не могу ходить по магазинам и готовить. Всё это делаю, конечно, но через силу. Так что, если вы хотите жениться, как вы написали в своём объявлении, то в качестве жены я вряд ли вам подхожу.

– Зачем же тогда написали? – изумился мужчина.

– Сама не знаю, что-то нашло...

– Ясно, тоска заела. У меня тоже такое было. А вообще вы зря на себя наговариваете, во-первых, вы прекрасно выглядите, от кавалеров, небось, отбоя нет.

– Да никто и не знает, что я развелась, – разоткровенничалась Маргарита.

– Ну вот видите, какой вы уравновешенный человек, наверняка, не хотели грузить знакомых своими проблемами. Кроме того, вы достигли определённой карьеры, занимаетесь домом,

сыном, шапки вон вяжете и, наверное, есть ещё много достоинств, о которых я пока не знаю, но уже удивляюсь и даже поражаюсь, какой дурак ваш бывший муж, что упустил такую женщину.

Она слушала его и думала про себя – настоящий кот-баюн, напел, успокоил, польстил. За разговором они шли пешком в сторону её дома. Не доходя квартал, она сказала, что дальше провожать не надо. Поблагодарила его, что отвлѣк от неприятных мыслей. А он нерешительно спросил:

– Так мы ещё встретимся? Или нет?

– Возможно, – неопределѣнно ответила Маргарита.

– Тогда я позвоню, – уже более уверенно сказал Станислав и, не оборачиваясь, твёрдым шагом военного, выделяясь из толпы всем своим видом, отправился к остановке.

Она немножко посмотрела ему вслеп и подумала:

– А почему бы нет?

Когда Станислав позвонил, и они встретились, он заявил:

– Ну что мы будем, как дети, гулять по бульварам. Пойдѣмте, я покажу вам, как идѣт ремонт в моей квартире. Прозаично, конечно, но, кто знает, может, вы станете в ней хозяйкой. И вообще, не бойтесь вы ничего, мы будем не одни, там работают строители.

И Маргарита подумала:

– Что я, действительно, как девочка, чего всё время боюсь? Ну посмотрю я на его квартиру, что тут опасного, небось, при строителях он ко мне приставать не будет.

Она понимала, что нравится Станиславу, а сама относилась к нему индифферентно. Спешить с близостью ей не хотелось. Слишком мало знала она этого человека, наговорить о себе он мог что угодно, а вот выглядел со стороны довольно устрашающе. Ну а становиться хозяйкой в чѣм-то доме вообще не входило в её планы.

Когда она написала ему в ответ на его объявление, она даже не задумывалась о последствиях, просто показалось, что нашла родственную душу. А потом, когда вспомнила, что в своём объявлении он ясно написал – женюсь, она подумала, что в этом их души совсем не совпадают. Станиславу о своих рассуждениях Рита не сказала.

Они пришли в дом, где в квартире на третьем этаже действительно шѣл ремонт, стояли леса, ведро с побелкой, мужики в робах возились в ванной.

– Как ты думаешь, – по-свойски обратился к ней Станислав, – какая плитка в ванной лучше, светлая или тѣмная?

Она не ответила. А он уже, обращаясь к ремонтникам, заявил:

– Вот хозяйка, можете с ней консультироваться по любым вопросам.

Маргарита снова промолчала, хотя подобное высказывание показалось ей довольно бесцеремонным и преждевременным. Она вообще заметила за собой такую странность – в этом знакомстве она, активная и общительная по натуре, всё время молчала. Порой ей даже казалось, что происходящее совсем её не касается и даже происходит не с ней, поэтому можно молчать, а действие каким-то образом развивается само собой.

– Ну что, как тебе? – спрашивал меж тем Станислав.

– Нормально, – отвечала она без особых эмоций.

– Не понравилось что ли? Ну это сейчас. Я завтра уберу леса, привезу диван угловой, вот сюда к окну поставлю и будет очень даже клѣво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.